

Диана Машкова

Аннушка

*Часть сборника
Любовь, или Пускай смеются
дети (сборник)*

Диана Машкова

Аннушка

«ЭКСМО»

2015

Машкова Д. В.

Аннушка / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2015

«В тот самый момент Аннушка еще не подозревала, что ее так зовут. Она вообще ничего не знала, кроме спокойствия утробной позы и влажного безмятежного бытия. Того самого, что предшествует основному. И вдруг покой ее нарушился: все вокруг заколыхалось, закружилось. Сначала размеренными толчками. Долго. Мучительно. Потом стало натужно давить со всех сторон. Выпирать и выталкивать из привычной размеренной жизни. Мягкой, податливой еще головке доставалось больше всего. Она против воли втискивалась в невероятно узкий туннель. Застревала на каждом миллиметре. И голова должна была расплющиться, познавая первую боль. Младенец подсознательно поворачивал головку, чтобы протиснуться вперед. Сначала – вбок, как бы глядя на плечо, потом – вниз, подбородок к груди. По-другому нельзя – сверху неумолимо подгоняли. Потом темечко уперлось снова, но уже во что-то более мягкое. Мягкое подождало и поддалось. Ребенок протиснулся, наконец, благодаря чьим-то резиновым рукам, на божий свет...»

© Машкова Д. В., 2015

© Эксмо, 2015

Диана Машкова

Аннушка

© Машкова Д., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В тот самый момент Аннушка еще не подозревала, что ее так зовут. Она вообще ничего не знала, кроме спокойствия утробной позы и влажного безмятежного бытия. Того самого, что предшествует основному. И вдруг покой ее нарушился: все вокруг заколыхалось, закружилось. Сначала размеренными толчками. Долго. Мучительно. Потом стало натужно давить со всех сторон. Выпирать и выталкивать из привычной размеренной жизни. Мягкой, податливой еще головке доставалось больше всего. Она против воли втискивалась в невероятно узкий туннель. Застревала на каждом миллиметре. И голова должна была расплющиться, познавая первую боль. Младенец подсознательно поворачивал головку, чтобы протиснуться вперед. Сначала – вбок, как бы глядя на плечо, потом – вниз, подбородок к груди. По-другому нельзя – сверху неумолимо подгоняли. Потом темечко уперлось снова, но уже во что-то более мягкое. Мягкое подождало и поддалось. Ребенок протиснулся, наконец, благодаря чьим-то резиновым рукам, на божий свет.

Свет оказался ужасный – страшный, холодный, яркий. А новорожденной пришлось совершить невероятное количество дел и движений сразу: расширить ноздри, поднять грудь, открыть рот. Все молниеносно менялось и внутри крохотного тельца и вокруг него. Обжигающий воздух ворвался в легкие, с силой расширив их. Аннушка сморщила маленькое личико и что было мочи закричала. Закричала от боли и рези внутри. А потом перерезали пуповину.

Новорожденную обтирали, мыли, переворачивали. Вокруг происходило столько всего сразу, что у любого взрослого закружилась бы голова. Девочка заморгала и закрыла глазки – режущий яркий свет был плохим и непривычным. А все фигуры вокруг все равно расплывались в белые бесформенные пятна.

Но тут громкие звуки словно навалились с необузданной силой со всех сторон. Голоса, лязганье инструментов, скрипы дверей, шуршание ног.

– Надо ж! – возмущался какой-то голос, в то время как ребенка поднимали и пеленали. – Как только таким никчемным мамашам достаются такие славные детки?

– Тише вы, Марья Степановна, – оборвал его другой. – Роженица услышит.

– А мне что? – отвечала Марья Степановна. – Мне вот дитя жалко, и только.

Малышка, конечно, не понимала – только слышала голоса. А потом от страха и усталости провалилась в полубормок-полусон.

Новая жизнь оказалась сложной. Менялась она каждый день, каждый час, каждую минуту. Громадное пространство вокруг оказалось заполнено множеством движущихся и неподвижных призрачных фигур. Постепенно тени обретали для ребенка все более отчетливые формы. В некоторых из них – маминой груди, бутылочке с соской – был весьма определенный смысл: утолять невесть откуда взявшийся голод. Пищу теперь нужно было добывать. Находить еду девочка научилась быстро – поворачивала головку на запах и хватала беззубыми деснами сосок. Сосать, конечно, оказалось утомительно, зато приятно.

Приятно было и когда вокруг тельца вдруг становилось мокро и тепло. Правда, сначала тепло, а потом очень скоро – холодно. Только ребенку все равно так нравилось больше. И непонятно было, зачем ее постоянно дергают, заворачивают в новые, жесткие и сухие, пеленки. А в основном девочка спала. Только поесть и просыпалась.

Малышка уже начала было приспосабливаться к новой жизни, как в одно прекрасное утро все снова неожиданно изменилось. На нее намотали свежие пеленки, завернули в одеяльце и долго несли по белым извилистым коридорам. Потом отдали маме, которую она уже узнавала по запаху молока, и выпустили обеих на волю. Воля была яркая, солнечная, зеленая. И запах свежий. Мама вышла из дверей роддома, потом из ворот. А на крыльце стоял врач и несколько медсестер, которые беспомощно смотрели им вслед и удрученно качали головами.

Впервые в жизни Аннушка – так ее мама еще в роддоме нарекла – ехала на трамвае. Потом впервые в жизни – на электричке. А потом долго-долго тряслась на руках у матери, которая шла через поле, исправно спотыкаясь о каждую кочку. После электрички пахло от нее противно. Не молоком. Так же как от бутылки без соски, к которой мама то и дело прикладывалась, сидя на деревянной скамье в вагоне электрички. Девочка хотела есть и громко плакала. Но родительница, казалось, крика ее не замечала. Измотавшись то ли от собственного плача, то ли от сильной тряски, то ли от голода, ребенок наконец уснул.

Проснулась малышка в кроватке посреди темной и ветхой избы. Потемневшие бревенчатые стены, в огромных щелях деревянный прогнивший потолок, заросшее паутиной и пылью крохотное окно и два склонившихся над кроваткой расплывчатых овала с красными пятнами ртов. Маму Аннушка узнала – слабый запах молока робко пробивался сквозь вонь, достигая голодных ноздрей. Она сморщила личико и хотела заплакать. Но мамаша наконец сообразила – достала ребенка из убогой, черной от грязи и гнили кроватки и сунула ей набухшую грудь. Малышка скривила недовольно крошечный рот – молоко оказалось горьким на вкус, – но продолжала сосать, скорбно нахохлившись. Голод не тетка.

Она наелась, а мамаша, запахнувшись, попыталась передать девочку на руки смрадному и грязному существу.

– Чего ты мне это суешь? – Голос был грубый и низкий. Аннушка сморщилась и захныкала от страха.

– Ну, как, Василий, дочка твоя! – Мать говорила глупым голосом, заплетающимся языком. – На хоть, поддержи.

– Пошла вон, дура! – отвечал Василий. – Сама притащила в дом невесть что, сама и возись. У нас на двоих-то еды нет. А тут еще третий рот! – Василий погрозил в воздухе дрожащим кулаком, грузно упал на ящик из-под водки, заменявший стул и составлявший добрую четверть обстановки. Голова его свесилась, как у мертвечины. Больше он в тот раз ничего не говорил. Заснул. Мать, раздосадованная, еле попала ребенком в убогую клетку кроватки и плюхнулась на серый от грязи тюфяк неподалеку.

Родители спали. Малышка не закрывала глаз. Ей мешали смрад и холодные, по десятому кругу намокшие пеленки. Она заплакала. Плакала долго. Охрипла. Были бы слезы – утонула бы уже в них. Никто не просыпался. Утомившись, ребенок смолк. И провалился в бессознательный, заполненный разноцветными пятнами сон, сквозь который до ноздрей доносилась неистребимая убийственная вонь.

К запаху Аннушка изо дня в день привыкла. Ко всегда мокрому и холодным пеленкам – тоже. Она даже не заболела. Благо на улице была жара и в развалившейся хибаре, где девочка находилась теперь все время, стояло вонючее и влажное тепло. На улицу ее не выносили – мамке было не до того. Она то пропадала где-то, то ругалась со своим непутевым супружником, то пила вместе с ним. Иногда на нее находило, если просыпалась, протрезвев. Начинала собирать по всему дому грязные тряпки, пеленки. Заливала их холодной водой в старой бочке и туда-сюда трепыхала трясущейся рукой. Порошка или хотя бы мыла в доме не водилось.

Аннушку купали в хибаре таким же манером. Только воду – и то спасибо – оттаивали на солнце, чтобы согреть. Но купания случались редко. И вся кожа у Аннушки уже через две недели домашней жизни покрылась опрелостями, потертостями и грязными прыщами. Она горела, жглась, саднила. Если может младенец привыкнуть к постоянной боли,

то Аннушка привыкла. А слезки у нее так и не появились – даже на второй месяц жизни, как это принято у здоровых и счастливых своими родителями детей. Хотя плакала она много. За что Василий материл жену и гонял ее по дому топором. Аннушка не понимала.

Большую часть времени она проводила в тяжелом темном сне. Поест – и проваливается в дымчатый мрак. Проснется от голода, поплачет немного, мать ей даст горькую грудь – и ребенок снова заснет. Сон спасал. От боли. От страха. От жизни и ее резкого смрада. Все равно ничем другим Аннушку не занимали – и днем и ночью лежала она, никому не интересная в своей прогнившей кровати. Мать с ней не говорила. В темечко не целовала. На руки без надобности не брала. Покормит – и кинет с досадой обратно. Так и росла Аннушка как трава, только хуже. Та хоть на свежем воздухе и в мягкой земле.

К шести месяцам девочка не умела переворачиваться, к девяти не садилась и не делала попыток встать. А в марте, когда зима вроде пошла на убыль и Василий на радостях перестал печку топить, заболела. Сначала очень долго из носика текло. Даже вся верхняя губа и кожица над ней в одну сплошную корочку от раздражения превратились. Утирать-то некому было. Мать с отцом вечно заняты – или пили или друг за другом с матерными криками по избе носились. Потом вдруг в одну ночь Аннушка стала горячая, как огонь. Глаза широкие. Смотрят не живо. И кашель. Да такой жуткий, что сотрясалась кроха и наизнанку выворачивалась так, словно ее выжимали. У любого человека сердце бы на мелкие кусочки от жалости разорвалось. А мама с папой – ничего. Терпели. Даже к врачу отнести не пытались. Да и где ближайший-то врач? В поселке. Километров десять. Не меньше.

Мать притащила откуда-то белых таблеток. Толкла их в порошок. И Аннушке пыль эту в ротик засыпала. А запивать давала из гнутой алюминиевой ложки подогретым красным вином пополам с водой. Бутылочек детских в доме не держали. Другие интересы. Но Аннушка и так справлялась. Глотала. Хотя половина горького поила всегда мимо стекала и жгла губы, запекшиеся корочкой от долгих соплей. К апрелю болезнь немного отпустила. Жар прошел. И мамаша, довольная хорошим средством, увеличила дозу вина. Девочка кашлять продолжала. Василий брезгливо косился на кровать и поносил на чем свет стоит свою жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.